

Эффекты геоэкономической фрагментации: BRICS vs G7

В. П. Вишнеvский¹ , С. А. Маковецкий¹ , Е. Н. Вишнеvская²

¹ Институт экономических исследований,
г. Донецк, Россия

² Донецкий национальный технический университет,
г. Донецк, Россия

 vvishn@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эффектов, возникающих в связи геоэкономической фрагментацией – политически обусловленными противоречивыми процессами в международных экономических отношениях, которые, с одной стороны, сокращают открытость в отношениях с недружественными странами, препятствуя общесистемному международному сотрудничеству, а с другой – поощряют «макрорегиональную глобализацию» – укрепление экономических связей с дружественными странами, стимулируя инклюзивный (для стран альянса) экономический рост. Обосновано, что основными качественными особенностями международных экономических отношений в условиях геоэкономической фрагментации являются отказ ведущих мировых игроков от безусловной поддержки глобализации; рост применения силы или угрозы ее применения для решения геоэкономических вопросов; разделение экономики мира и торговых отношений по геополитическим линиям. Для количественной оценки процессов геоэкономической фрагментации предложен коэффициент внешнеторговой автономии стран альянса, характеризующий соотношение объемов его внутренней и внешней торговли. Выдвинуты гипотезы: 1) существует оптимальное значение коэффициента внешнеторговой автономии, при котором достигаются наибольшие темпы прироста выпуска стран альянса; 2) странам BRICS целесообразно этот коэффициент повышать (углублять взаимовыгодное сотрудничество), поскольку пик максимальных темпов пророста выпуска еще не пройден. Также обосновано, что утверждение о безусловном вреде геоэкономической фрагментации, особенно для менее развитых экономик, не вполне корректное. Нужно смотреть, какие это экономики, и учитывать дополнительные факторы: снижение рисков чрезмерной зависимости от недружественных стран в поставках важнейших товаров и ресурсов; укрепление национального экономического суверенитета за счет снятия части наднациональных ограничений, открывающего большие возможности проведения независимой торговой и промышленной политики; обеспечение устойчивости в критически важных для национальной безопасности секторах; возможности лучшего контроля за миграцией населения, облегчающего процессы социокультурной адаптации мигрантов; диверсификацию торговых партнеров, побуждающей страны к поиску альтернативных торговых соглашений и партнерств в рамках создания и/или укрепления дружественных блоков.

Ключевые слова: международные экономические отношения; глобализация; геоэкономическая фрагментация; экономический суверенитет; риски внешнеторговых отношений.

1. Введение

Конец XX и начало XXI в. прошли под знаком направляемой Западом глобализации, которая, как часто считается, связана с расширением потенциальных возможностей всемирного экономического роста, технологического прогресса, становления мирового среднего класса и культурного обмена. Однако фактические ее результаты во многих развивающихся странах, столкнувшихся с такими реалиями глобализации, как неравенство, экологический ущерб и эрозия культуры, а также усиление геополитического соперничества, подорвали веру в то, что она обеспечивает справедливое распределение выгод между странами.

Особенно рельефно риски глобализации проявились в связи с санкциями США против Ирана (начало 2010-х гг.), нападками администрации США на Huawei (2018 г. и далее), отключением российских банков от SWIFT и заморозкой российских золотовалютных резервов (2022). Многие развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки восприняли все это как доказательство провалов глобализации и опасности сильной зависимости от финансовой системы, контролируемой лидерами Западного мира.

Теперь рыночная безудержная глобализация, как отмечают Goldberg & Reed [1], больше не поддерживается, а ключевые мировые игроки стремятся проводить экономическую политику, руководствуясь прежде всего соображениями национальной безопасности и устойчивости цепочек поставок. По оценке Chang, основателя TSMC – ведущего мирового производителя чипов: «Globalization is almost dead and free trade is almost dead. A lot of people still wish they would come back, but I don't think they will be back»¹.

Формируется новый хозяйственный порядок, отражающий реалии кризиса глобализации и того, что можно назвать геоэкономической фрагментацией – разделением глобальной экономики на конкурирующие блоки и регионы, выстроенного по политическим линиям. Для него характерны пересмотр внешнеторговых отношений с целью уменьшения рисков в цепочках поставок и создания стоимости, перенос инвестиций в близкие по геополитическим интересам страны, обострение борьбы за стратегические ресурсы, принятие мер экспортного контроля в целях предотвращения утечки технологий, особенно в недружественные страны и др. [2–4].

Наглядным проявлением этого нового порядка является расширение объединения стран BRICS², которое самым фактом своего успешного развития бросает вызов экономической системе, основанной на доминировании Запада

¹ Martin D. TSMC founder says 'globalization is almost dead' as Asian foundry giant expands in US / The Register. 2022. URL: https://www.theregister.com/2022/12/08/tsmc_founder_globalization/

² Далее в анализе мы рассматриваем BRICS в составе 5 стран, из названий которых составлен этот акроним.

и поддерживаемых им правилах: совокупный ВВП стран BRICS (с учетом паритета покупательной способности) уже превзошел ВВП стран G7¹.

В декларации, принятой по итогам Казанского Саммита BRICS (2024), отмечено, что объединение подтверждает «...поддержку открытой, прозрачной, справедливой, предсказуемой, инклюзивной, равноправной, недискриминационной, основанной на правилах и консенсусе многосторонней торговой системы при центральной роли Всемирной торговой организации»². Тем не менее факт заключается в том, что экономический потенциал BRICS растет быстрее, чем стран G7, что уже создает и неизбежно будет создавать в дальнейшем новые противоречия и риски мирового развития, которые как минимум важно понимать и учитывать.

Целью исследования является анализ и оценка эффектов геоэкономической фрагментации в контексте внешнеторговых отношений стран BRICS и G7.

Основная рабочая гипотеза состоит в том, что геоэкономическая фрагментация связана не только с отрицательными, но и положительными эффектами для крупных эмерджентных экономик – членов BRICS, которые получают выгоды от укрепления взаимовыгодного сотрудничества.

Структура статьи. Мы начинаем с краткого обзора научной литературы по проблеме. Далее описаны используемые в работе данные и методы. Продолжает работу статистический анализ процессов геоэкономической фрагментации и их alter ego – процессов глобализации на макрорегиональном уровне – в контексте эффектов для экономики BRICS и G7. Затем идет обсуждение полученных результатов. Завершают работу краткие выводы.

2. Обзор литературы

Геоэкономическая фрагментация, обусловленная геополитической напряженностью и конкурирующими экономическими приоритетами, имеет существенные последствия для мировой торговли, инвестиций и экономического развития.

Обычно обращают внимание на минусы геоэкономической фрагментации, связанные с подрывом глобального разделения труда, ограничением доступа ряда стран к рынкам, технологиям и инвестициям, ростом производственных издержек по причине фрагментации цепочек поставок и др.

Как отмечают специалисты МВФ Aiyar et al. [5], чем глубже фрагментация, тем выше ее издержки. При этом в зависимости от предпосылок, лежащих в основе оценок, потери по отношению к глобальному выпуску

¹ DataBank. World Development Indicators. 2024. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения: 20.11.2024).

² XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 г. <http://static.kremlin.ru/media/events/fi-les/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

от фрагментации могут составлять от 0,2 до 7 % ВВП, а наибольшему риску подвержены страны с развивающейся рыночной экономикой и низким уровнем дохода из-за потерь перелива знаний.

Например, Bolhuis et al. [6] анализируют различные сценарии геоэкономической фрагментации, связанные с последствиями для выпуска с использованием специальной модели международной торговли. Набор исходных данных охватывает 24 агрегированных сектора и 136 товаров в 145 странах. Как показали расчеты, в случае реализации «мягкого сценария», связанного с прекращением всей торговли между Россией, с одной стороны, и США с ЕС – с другой, а также торговли в высокотехнологичных секторах между Китаем, с одной стороны, и США с ЕС – с другой, перманентные потери глобального ВВП могут составить 0,3 %. А в случае «жесткого» сценария, при котором все страны будут вынуждены выбирать между блоком США-ЕС или блоком Китай-Россия и между этими двумя блоками не будет торговли, потери уже могут составить 2–3 % мирового ВВП, а для стран с низким уровнем дохода – более 4 % их ВВП.

Attinasi et al. [7] для количественной оценки экономических эффектов от разрыва торговых связей использовали мультистрановую (73 государства) многосекторную модель. Эта модель отражает отраслевые взаимосвязи через производственные сети и учитывает различия между странами, в том числе в части обеспеченности факторами производства. Как показали результаты экспериментирования, в краткосрочном периоде эффекты разрыва торговых связей сильнее, чем в долгосрочном, поскольку производители не могут быстро поменять сеть поставщиков, а работники – отрегулировать свою заработную плату. При этом в краткосрочной перспективе потери благосостояния в виде уменьшения валовых национальных расходов оцениваются в диапазоне от 0,7 % («мягкий сценарий» разделения между Востоком и Западом по стратегическим секторам) до 15,2 % («жесткий сценарий» разделения по торговым блокам во всех секторах).

Fernandez-Villaverde et al. [8] выполнили анализ, основанный на расчете индекса фрагментации с помощью динамической факторной модели (dynamic factor models [9]), в которой наблюдаемые переменные – индекс открытости торговли, коэффициент прямых иностранных инвестиций, коэффициент миграции и др. – определяются общим ненаблюдаемым фактором (индексом геополитической фрагментации). Затем этот оцененный фактор был использован в качестве исходных данных для эмпирических оценок причинности во временных рядах. В результате анализа было установлено, что усиление фрагментации (рост соответствующего индекса), негативно влияет на мировую экономику, причем страны с развивающейся экономикой страдают непропорционально сильно по сравнению с развитыми странами. А изучение секторов экономики в развитых странах – членах ОЭСР выявило негативные последствия фрагментации для отраслей, тесно связанных с глобаль-

ными рынками, таких как обрабатывающая промышленность, строительство, финансы, оптовая и розничная торговля.

Blanga-Gubbay & Rubínová [4] выполнили оценку влияния недавних экзогенных шоков (СВО на Украине) на фрагментацию мировой экономики. Для этого были использованы гравитационные модели, которые часто применяют для оценки влияния различных факторов на объемы международной торговли (см. например, Caroani [10]), и ежемесячные данные о торговле товарами за период с января 2016 по февраль 2024 г. Согласно полученным оценкам, торговля между гипотетическими Восточным и Западным блоками росла примерно на 4 % медленнее, чем торговля внутри этих блоков. В то же время анализ данных не показал признаков того, что эти шоки привели к регионализации глобальной торговли (например, в Африке внутрирегиональная торговля росла медленнее, чем со странами вне континента). Таким образом, полученные результаты [4] указывают на первые признаки фрагментации мировой торговли по геополитическим, а не по региональным линиям.

Следует обратить внимание, что многие из эмпирических оценок геоэкономической фрагментации исходят из того, что каналы, по которым распространяются потери от фрагментации, это те же каналы (торговля, миграция населения, потоки капитала, распространение технологий, предоставление глобальных общественных благ), по которым распространяются выгоды глобализации. При этом подразумевается, что фрагментация – это глобализация со знаком «минус», так что потери от фрагментации связаны с выгодами глобализации, которые по оценкам ряда специалистов (Dreher [11], Rao et al. [12], Irwin [13]) достаточно явно выражены, а неявно – часто рассматриваются в предположении прочих равных условий.

Например, Aiyar et al. [5] считают, что глобализация означает углубление канала свободной торговли, которая способствует росту доходов на душу населения в разных странах и сокращению масштабов нищеты в мире, а соответственно, фрагментация (антипод глобализации) препятствует росту доходов и сокращению нищеты. Канал трансграничной миграции населения обеспечивает принимающие страны ценными специалистами, одновременно повышая денежные доходы в странах, отправляющих мигрантов, а фрагментация лишает принимающие страны ценных специалистов и понижает денежные доходы стран доноров и т. д.

Однако на самом деле выгоды глобализации не являются безусловными: прочие условия не являются нейтральными, а имеют существенное значение. Например, выгоды свободной торговли можно оценивать однозначно только при условии, что не учитываются риски чрезмерной зависимости от импорта, которая делает экономику уязвимой к перебоям в цепочке поставок стратегически важных товаров или к экономическому спаду в других странах. Выгоды трансграничной миграции населения обусловлены рисками возникновения и/или углубления социокультурных конфликтов из-за

различий в языке, религии, традициях и общественных нормах между мигрантами и принимающими общинами и связанными с этим рисками национальной безопасности. Выгоды трансфера технологий в развивающиеся страны обусловлены рисками получения ими отсталых и «грязных» технологий низкого и среднего уровня, расширяющими технологические и экологические разрывы между странами ядра и периферии (Vishnevsky et al. [14]), а также рисками превращения технологий в инструмент гонки за геополитическое доминирование и т. д.

На методологическом уровне важно принимать во внимание, что субъекты международных экономических отношений национального уровня действуют не в интересах роста «всеобщего благосостояния», а обслуживают прежде всего собственные интересы. Как отмечают Colombatto & Macey [15], регуляторы (бюрократы и политики) внутри стран «...will not agree to enter into international agreements unless it is in their (private) interest to do so. Furthermore, regulators are political-support-maximizing actors; they respond to political pressure and to self-interest» [15, p. 926].

Кроме того, важно учитывать, что взаимодействующие субъекты международных экономических отношений национального уровня изначально находятся в неравных позициях, а поэтому «сильная» (регулирующая) сторона может рационально использовать преимущества, вытекающие из неравенства, для подчинения «слабой» стороны в целях максимизации собственной выгоды (Дементьев [16]).

«When an individual has much more power than another, – писал Olson, – he may be better able to serve his interests by threatening to use – or by using – force than by voluntary exchange: he may be able to obtain for free what would otherwise be costly» [17, p. 60]. Это же справедливо в отношении малых групп наиболее развитых стран и созданных ими организации (МВФ, Всемирный банк и др.): хотя эти организации предоставляют определенные глобальные общественные блага, но устанавливаемые ими правила приносят пользу прежде всего могущественным государствам.

В связи с недавней реформой международного корпоративного налогообложения специалисты отмечают, что: «Международные налоговые правила в настоящее время устанавливаются богатыми странами посредством ОЭСР. Развивающиеся страны при этом оказываются в невыгодном положении»¹.

Как подчеркивал Stiglitz, который был главным экономистом и старшим вице-президентом Всемирного банка: «Underlying the problems of the IMF and the other international economic institutions is the problem of governance: who decides what they do. The institutions are dominated not just by the wealthiest industrial countries but by commercial and financial interests in those countries, and the policies of the institutions naturally reflect this» [18, p. 18–19].

¹ Сундарам Дж.К., Чаудури А. Мифы и лобби блокируют международное налоговое сотрудничество // Эксперт. 2021. № 30 (1216). 19–25 июля. С. 9.

В свете последних событий, связанных с противостоянием РФ и стран коллективного Запада, факт употребления власти и применения силы в международных экономических отношениях в интересах одной из сторон не вызывает сомнения. Это означает, что «вуаль» глобализации скрывает под собой политико-экономические реалии, выходящие за рамки технократических оценок выгод глобализации и симметричных потерь от фрагментации.

В этой связи следует выделить ряд факторов (прочих условий), которые важно учитывать при комплексной оценке эффектов геоэкономической фрагментации:

Во-первых, снижение рисков, связанных с чрезмерной зависимостью от недружественных (потенциально недружественных) стран в поставках важнейших товаров и ресурсов, в т. ч. посредством решоринга (Barbieri et al. [19]), френдшоринга (Maihold [20]), ниашоринга (Piatanesi & Arauzo-Carod [21]), гриншоринга (Nedumpara [22]) и др., а также рисков уязвимости к глобальным социально-экономическим потрясениям, таким как финансовые кризисы или пандемии.

Во-вторых, укрепление национального экономического суверенитета за счет снятия части наднациональных ограничений, открывающего большие возможности проведения независимой торговой и промышленной политики (Ku & Yoo [23]), которая позволяет лучше использовать уникальный экономический потенциал страны, отражает ее социальные приоритеты и культурные ценности (Вишневский [24]).

В-третьих, обеспечение устойчивости в критически важных для национальной безопасности секторах, таких как энергетика, высокие технологии и др., см. например, программу обеспечения технологического суверенитета в РФ (Жданев [25]).

В-четвертых, возможности лучшего контроля за миграцией населения, облегчающего процессы социокультурной адаптации мигрантов и снижающего риски роста этнической преступности (Braithwaite et al. [26]), разжигания межнациональных конфликтов и т. п. (O'Malley [27]).

В-пятых, диверсификация торговых партнеров, которая побуждает страну к поиску альтернативных торговых соглашений и партнерств в рамках создания и/или укрепления дружественных блоков (глобализация на макро-региональном уровне) (Iqbal [28]).

Таким образом, как следует из указанного, геоэкономическая фрагментация представляет собой прагматический компромисс между внутренними стратегическими интересами и внешними глобальными связями в сложной геополитической обстановке, между эффективностью глобализации и ее рисками для национального суверенитета и демократии, ибо нельзя, как отмечал Rodrik [29], одновременно поддерживать демократию, национальное самоопределение и экономическую глобализацию. Поэтому результаты геоэкономической фрагментации трудно оценивать однозначно. Многие зави-

сит от обстоятельств места и времени и того, с чьих позиций рассматривать генерируемые ею эффекты.

3. Данные и методы

3.1. Данные

Для выполнения эмпирической проверки выдвинутой гипотезы была сформирована база данных об объемах внешней торговли товарами и услугами ряда стран – популярном индикаторе глобализации (деглобализации) [1]. Она охватывает 12 экономик, которые разделены на два основных геоэкономических блока, – G7 (развитые страны) и BRICS – (эмерджентные экономики).

Помимо некоторых общеэкономических данных, база содержит показатели объемов внешней торговли за 2001–2023 гг. по этим блокам (экспорт, импорт, внешнеторговый товарооборот всего), а также объемов торговли между отдельными государствами. Все данные приведены в сопоставимый вид – международные доллары, которые обычно применяются при сравнении макроэкономических показателей разных стран.

Источниками информации послужили данные Всемирного банка (<https://databank.worldbank.org/>), а также World Integrated Trade Solution (WITS) – программного обеспечения, предоставляемого Всемирным банком, с помощью которого пользователи могут запрашивать различные базы данных по международной торговле (<https://wits.worldbank.org/Default.aspx>).

Выбор периода анализа (с 2001 по 2023 г.) обусловлен тем, что он охватывает два разных этапа развития мировой торговли:

- 1) с 2001 по 2008 г., когда продолжалась глобализация (или гиперглобализация [1]);
- 2) с 2009 г. по настоящее время, когда в связи с мировым финансовым кризисом и последующими событиями глобализация затормозила и на смену ей пришла политически мотивированная геоэкономическая фрагментация.

Кроме того, этот период примечателен тем, что, к его началу Россия завершила в основном турбулентный период рыночных трансформаций, связанных с переходом от плановой к смешанной экономике, преодолела финансовый кризис 1998 г., затем вернула государственный контроль над экспортом углеводородов и вновь заявила о себе как о мировом игроке, впоследствии – члене объединения BRICS (образовано в 2009 г. в рамках Петербургского экономического форума).

3.2. Методы

Основным количественным методом исследования является статистический анализ, в том числе корреляционно-регрессионный. В качестве регрессора использован индекс открытости торговли (trade openness ratio, trade-to-GDP ratio) – отношение объемов международной торговли товарами и услугами (экспорт плюс импорт) к ВВП. Это широко распространенный индикатор, харак-

теризующий фрагментацию (или глобализацию). Для этой цели специалисты используют также иные показатели, в том числе характеризующие инвестиции (прямые, портфельные), миграцию населения (рабочей силы), потоки патентов и др. Можно также использовать специально сконструированные интегральные показатели, которые учитывают несколько или даже множество факторов (как, например, в работе Fernandez-Villaverde et al. [8], где для построения индикатора геоэкономической фрагментации использовано 14 показателей).

Однако, как известно из методологии статистического анализа, чем больше факторов учитывается при построении индикаторов (моделей), тем больше проблем возникает с их интерпретацией и дальнейшим использованием для прогнозирования. Включение в модель большого количества переменных чревато проблемой переобучения – чрезмерной подгонки, *overfitting* (Hawkins [30]), когда модель становится слишком приспособленной к обучающим данным, улавливая не только главные тенденции, но и случайные флуктуации («шумы»), а следовательно, плохо подходит для дальнейшего анализа.

Поэтому мы сделали выбор в пользу простого, популярного и интуитивно понятного индикатора, а сам анализ выполнили в два этапа.

На первом этапе проведен сравнительный анализ и выполнена оценка силы связи между индексом открытости торговли, характеризующем ее интенсивность, и темпами прироста ВВП в объединениях BRICS и G7.

На втором этапе мы уже оцениваем не интенсивность, а структуру внешней торговли. Для этого нами использован коэффициент внешнеторговой автономии рассматриваемых объединений (k^A), характеризующий соотношение объемов их внутренней и внешней торговли:

$$k^A = \frac{T_{in}}{T_{out}}, \quad (1)$$

где T_{in} – объем внутренней, между странами альянса, торговли; T_{out} – объем внешней, не между странами альянса, торговли.

Этот коэффициент k^A имеет значение меньше единицы, в том случае если объемы внутренней торговли не дотягивают до объемов внешней, равен единице, если они одинаковы (сбалансированы), и больше единицы, если объемы внутренней торговли превышают объемы внешней. Соответственно, чем больше значение коэффициента, тем большей торговой автономией обладает альянс.

Какие значения он принимает на практике, показали результаты приведенного ниже анализа.

4. Эмпирический анализ и оценки

4.1. Этап 1. Анализ интенсивности внешней торговли альянсов

Статистические данные свидетельствуют, что после мирового финансового кризиса интенсивность международной торговли в мире перестала увеличиваться (рис. 1).

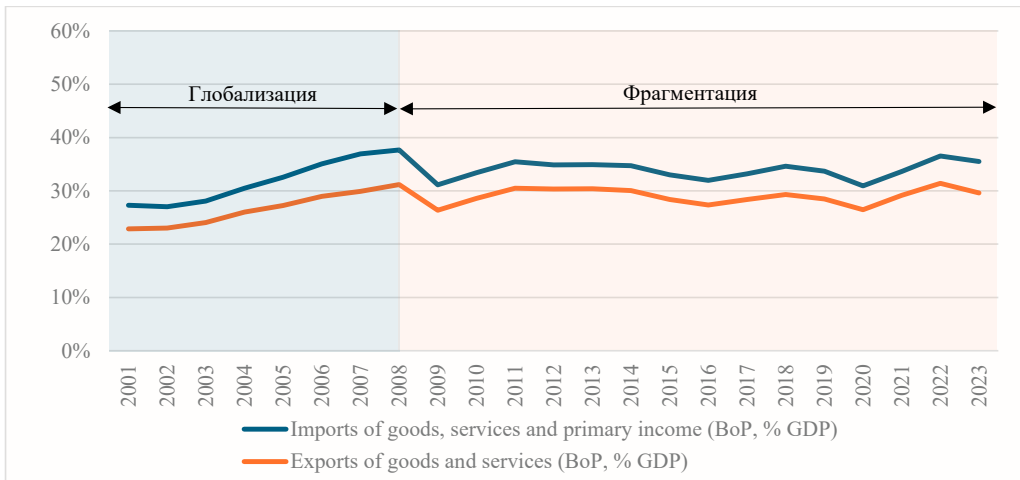

Рис. 1. Мировой экспорт и импорт (в % к мировому ВВП)

Figure 1. World exports and imports (in % of world GDP)

Составлено авторами по данным: DataBank. World Development Indicators. 2024.
URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>

На этом основании, а также учитывая изменения в потоках прямых иностранных инвестиций (Gopinath et al. [31]) и глубокие трансформации в политической обстановке и общественных настроениях в крупнейших экономиках за последние годы (Goldberg & Reed [1]), можно утверждать, что на смену глобализации приходит геоэкономическая фрагментация.

Судя только по статистическим данным, можно также утверждать, что глобализация приостановилась, но не повернула вспять [1]. Поэтому ряд исследователей, например, Zhu & Jiang [32] и Antras [33], предпочитают писать не о геоэкономической фрагментации, а о замедлении глобализации или о ее временном кризисе, как, например, Загашвили [34, 35].

Вообще-то не важно, какой именно термин использовать. И важны не количественные параметры процессов международной торговли и др. (замедление, ускорение) сами по себе. А что принципиально важно – так это изменения (по сравнению с концом XX – началом XXI в.) качественных особенностей международных экономических отношений: отказ ведущих мировых игроков от безусловной поддержки глобализации, рост применения силы или угрозы ее применения для решения геоэкономических вопросов, разделение (фрагментация) экономики мира и торговых отношений по геополитическим линиям.

И, как уже отмечалось, есть ряд оценок того, что фрагментация может иметь негативные последствия для мировой экономики, прежде всего для менее развитых стран.

Но не все так однозначно. В большом мире, состоящем из множества стран и коалиций (альянсов), геоэкономическая фрагментация, связанная

с углублением противоречий и разрывом связей одних стран или групп стран, одновременно означает углубление сотрудничества и интеграции других стран или групп стран (глобализация на макрорегиональном уровне). А поэтому снижение эффективности в одних случаях означает повышение эффективности в других, так что конечный результат разнится для отдельных субъектов международных отношений и его нельзя оценивать однозначно.

Проанализируем это подробнее.

Экономику мира можно упрощенно представить как сумму экономик G7 и BRICS – всего 12 стран (6 % от их общего числа в мире), которые в совокупности дают приблизительно 70 % мирового ВВП.

Начнем с BRICS (рис. 2).

Как следует из данных рис. 2, судя по индексу открытости, фрагментация в BRICS даже более явно выражена, чем в мире в целом. Ее влияние на ВВП можно оценить с помощью корреляционно-регрессионного анализа (рис. 3).

На рис. 3 видно, что в BRICS имеет место заметная связь между индексом открытости и ВВП (коэффициент корреляции $r = 0,69$), так что большей открытости торговли соответствуют большие темпы прироста ВВП. Качество построенной модели было проверено с положительным результатом по критериям Стьюдента (характеризует значимость коэффициента регрессии) и Фишера (оценивает качество всей модели). При этом в динамике ситуация такова, что в 2001–2008 гг. индекс открытости повышался, а в 2009–2023 гг. понижался и был в среднем меньше (0,481 в 2001–2008 гг. и 0,435 в 2009–2023 гг.) (табл. 1).

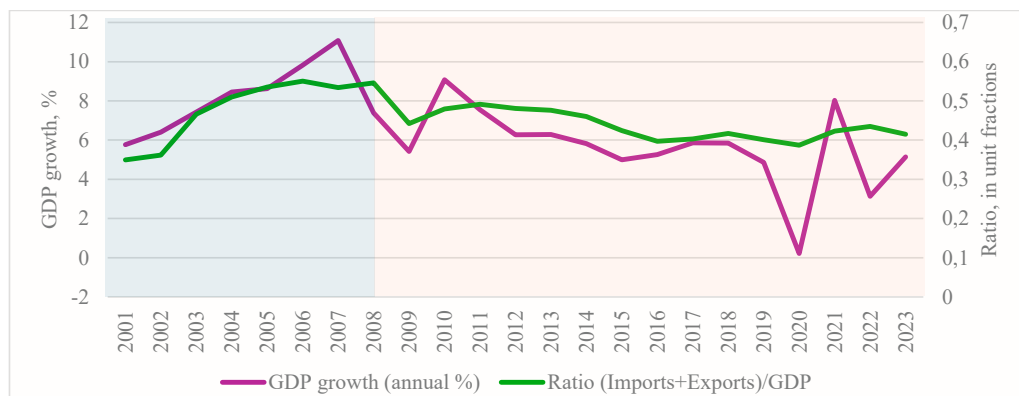

Рис. 2. Сравнительная динамика ВВП и индекса открытости торговли в странах BRICS

Figure 2. Comparative dynamics of GDP and trade openness index in BRICS countries

Составлено авторами по данным: DataBank. World Development Indicators. 2024.

URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>

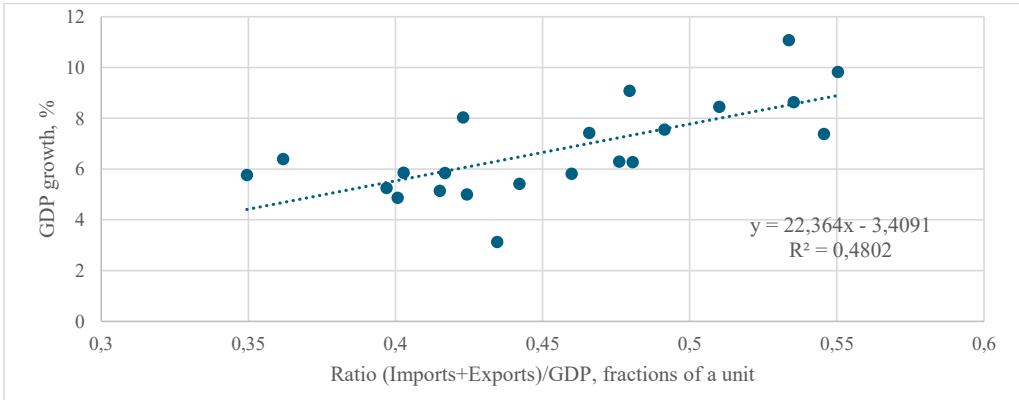

Рис. 3. Связь между индексом открытости торговли и ВВП в странах BRICS (2001–2023 гг.)*

Figure 3. Relationship between trade openness index and GDP in BRICS countries (2001–2023)*

Примечание: * Без данных за 2020 г., когда наблюдался форсмажорный спад экономик многих стран мира, обусловленный действием COVID-19 (статистический выброс, рассчитанный по методу межквартального размаха).

Составлено по данным: DataBank. World Development Indicators. 2024.

URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>

Таблица 1. Динамика отдельных экономических показателей BRICS и G7

Table 1. Dynamics of individual economic indicators of BRICS and G7

Годы/показатели	Индекс открытости торговли		Прирост ВВП, млрд пост. 2015 г. долл. США		Темпы прироста ВВП, %	
	BRICS	G7	BRICS	G7	BRICS	G7
2001	0,349	0,372	331,8	351,6	5,761	1,261
2002	0,362	0,368	389,7	337,6	6,398	1,196
2003	0,466	0,378	481,0	552,4	7,422	1,933
2004	0,510	0,407	588,6	864,9	8,454	2,970
2005	0,535	0,435	651,6	782,3	8,630	2,608
2006	0,550	0,476	805,9	788,3	9,826	2,562
2007	0,534	0,504	997,9	656,0	11,078	2,079
2008	0,546	0,517	739,1	−10,4	7,387	−0,032
2001–2008 в среднем	0,481	0,432	623,2	540,3	8,120	1,822
2009	0,442	0,425	581,8	−1182,3	5,415	−3,671
2010	0,479	0,467	1028,8	895,2	9,083	2,886
2011	0,491	0,505	933,3	516,4	7,554	1,618
2012	0,481	0,496	833,2	467,7	6,270	1,442

Окончание табл. 1

Годы/показатели	Индекс открытости торговли		Прирост ВВП, млрд пост. 2015 г. долл. США		Темпы прироста ВВП, %	
	BRICS	G7	BRICS	G7	BRICS	G7
2013	0,476	0,501	888,3	521,9	6,290	1,586
2014	0,460	0,504	873,0	676,6	5,816	2,024
2015	0,424	0,478	794,2	755,8	5,000	2,216
2016	0,397	0,462	877,2	564,1	5,260	1,618
2017	0,403	0,484	1027,9	839,3	5,855	2,369
2018	0,417	0,500	1086,2	782,1	5,845	2,157
2019	0,401	0,486	957,5	644,0	4,868	1,739
2020	0,387	0,432	44,8	−1554,7	0,217	−4,125
2021	0,423	0,474	1660,0	1995,0	8,030	5,521
2022	0,435	0,524	699,3	847,6	3,131	2,223
2023	0,415	0,504	1184,8	674,8	5,145	1,731
2009–2023 в среднем	0,435	0,483	898,0	496,2	5,585	1,422
2009–2023 к 2001–2008	90,4 %	111,7 %	144,1 %	91,8 %	68,8 %	78,1 %

Составлено авторами по данным: DataBank. World Development Indicators. 2024.
URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

В то же время в странах G7 ситуация выглядит существенно по-иному (рис. 4 и 5).

Наиболее интересный факт заключается в том, что в странах G7, судя по статистическим данным, геоэкономическая фрагментация не наблюдалась. Более того, средний индекс открытости в 2009–2023 гг. даже ненамного превысил его значение в 2001–2008 гг. Как показано на рис. 4, начиная с 2009 г., имели место его незначительные колебания вокруг средней (0,483). Поэтому не удивительно, что никакой явно выраженной связи между индексом открытости торговли и ВВП в странах G7 обнаружено не было (рис. 5).

А теперь вновь обратимся к данным табл. 1. Нетрудно заметить, что в период 2009–2023 гг. экономика BRICS развивалась намного быстрее, чем экономика G7. Это хорошо известно. Но не менее важно, что высокие темпы роста сочетались с большими абсолютными приростами ВВП – то, что можно назвать экономическим импульсом (по аналогии с показателем в физике он учитывает как массу, в данном случае абсолютные размеры ВВП, так и ско-

рость – темпы роста экономики). В этом отношении BRICS также улучшила свое положение – если в 2001–2008 гг. среднегодовой абсолютный прирост ВВП в странах BRICS был больше, чем в странах G7 на ≈ 80 млрд долл. США, то в 2009–2023 гг. – уже на ≈ 400 млрд долл. США (что уменьшает силу аргумента об эффекте низкой базы как причине относительно высоких темпов роста).

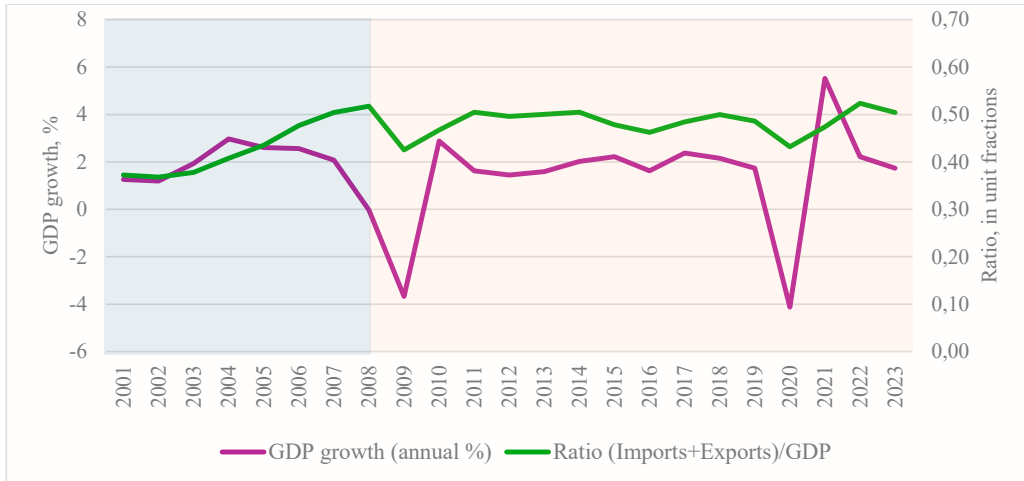

Рис. 4. Сравнительная динамика ВВП и индекса открытости торговли в странах G7
Figure 4. Comparative dynamics of GDP and trade openness index in G7 countries

Составлено авторами по данным: DataBank. World Development Indicators. 2024.
 URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>

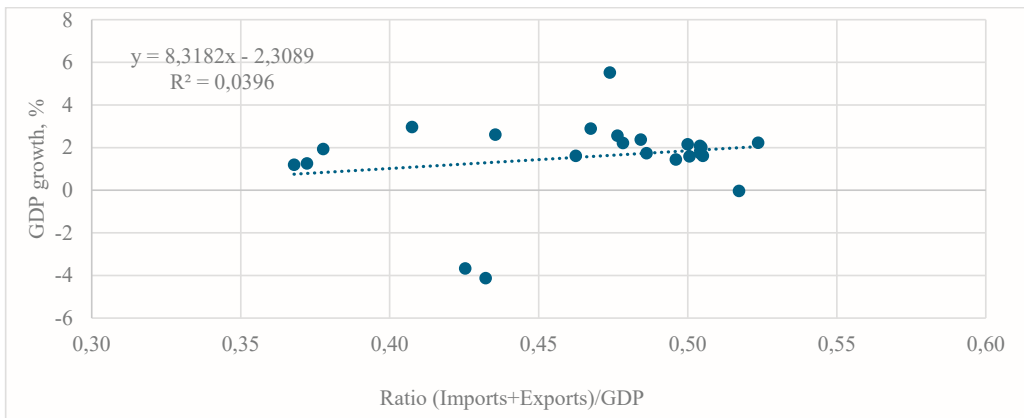

Рис. 5. Связь между индексом открытости торговли и ВВП в странах G7
Figure 5. Relationship between trade openness index and GDP in G7 countries

Составлено авторами по данным: DataBank. World Development Indicators. 2024.
 URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>

4.2. Этап 2. Анализ структуры внешней торговли альянсов

С учетом того, что индекс открытости торговли стран BRICS в 2009–2023 гг. постепенно снижался, а в странах G7 – нет, вроде бы имеет место парадокс. Экономика стран BRICS должна бы в связи с уменьшением интенсивности внешней торговли чувствовать себя хуже, чем экономика стран G7, где индекс открытости вырос, а фактически выходит наоборот.

Однако на самом деле никакого парадокса нет, если обратиться к структуре внешней торговли. Дело в том, что внутри BRICS, представляющей почти половину населения мира, наблюдалось усиление интеграции между странами-членами («глобализация на макрорегиональном уровне») (табл. 2).

Внешнеторговый оборот «BRICS with BRICS» за период 2017–2022 гг. вырос на 29 %, а оборот «BRICS with G7» – на 17 % (на 12 п. п. меньше). В результате BRICS становится более интегрированным объединением и менее

Таблица 2. Показатели международной торговли стран BRICS и G7

Table 2. International trade indicators of BRICS and G7 countries

Показатели	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/ 2017
	<i>Экспорт, млн долл.*</i>						%
BRICS to BRICS	902,1	966,5	948,1	952,2	1133,6	1148,0	127
BRICS to G7	1079,3	1153,6	1120,2	1178,2	1326,4	1362,1	126
G7 to BRICS	505,3	543,1	533,7	509,3	539,1	511,1	101
G7 to G7	1512,2	1580,6	1595,6	1416,0	1503,5	1643,5	109
	<i>Импорт, млн долл.*</i>						%
BRICS from BRICS	642,2	694,3	692,3	671,5	805,8	851,4	133
BRICS from G7	812,5	850,8	826,6	1012,4	891,7	859,9	106
G7 from BRICS	640,5	680,6	686,7	687,9	757,7	838,4	131
G7 from G7	1261,8	1319,2	1321,4	1200,4	1237,2	1377,2	109
	<i>Внешнеторговый оборот, млн долл.*</i>						%
BRICS with BRICS	1544,3	1660,8	1640,5	1623,7	1939,4	1999,4	129
BRICS with G7	1891,8	2004,3	1946,8	2190,6	2218,1	2221,9	117
G7 with BRICS	1145,8	1223,7	1220,4	1197,2	1296,8	1349,5	118
G7 with G7	2774,0	2899,7	2917,0	2616,4	2740,7	3020,7	109

Примечание: * постоянные международные долл. 2021 г.

Рассчитано авторами по данным: World Integrated Trade Solution (WITS). 2024. URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx>; DataBank. World Development Indicators. 2024. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>

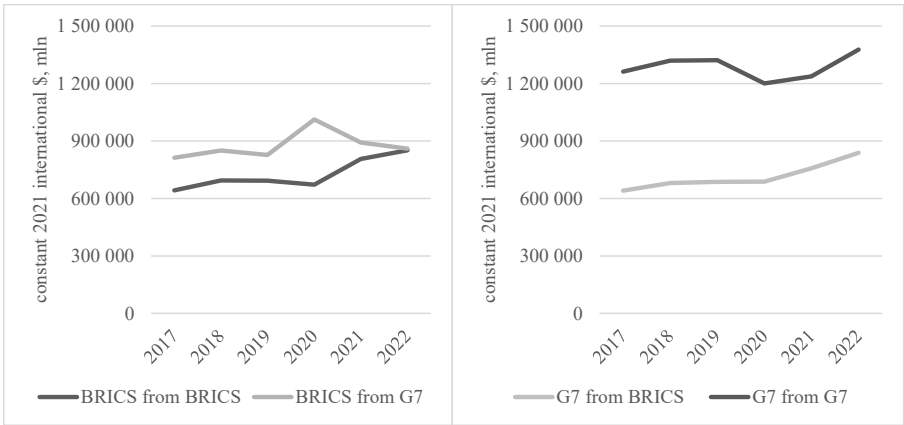

Рис. 6. Импорт по группам стран BRICS и G7
Figure 6. Imports by BRICS and G7 country groups

Составлено авторами по данным: World Integrated Trade Solution (WITS). 2024.
URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx>; DataBank. World Development Indicators. 2024.
URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>

зависящим от торговли с G7. Если посмотреть, например, на динамику импорта, то нетрудно заметить, что, в отличие от G7, внутренний импорт стран BRICS уже сравнялся с импортом из стран G7 (рис. 6).

Такие структурные сдвиги не помешали ускоренному экономическому росту – более быстрому и масштабному, чем в странах G7.

Отсюда следует, что значение имеет не только степень открытости торговли, но и ее структура, отражающая соотношение внутренней (между странами BRICS) и внешней (с внешним миром) торговли.

Результаты расчетов коэффициента внешнеторговой автономии (k^d) представлены в табл. 3.

Таблица 3. Расчет коэффициента внешнеторговой автономии по группам стран в системе BRICS+G7

Table 3. Calculation of the coefficient of foreign trade autonomy by groups of countries in the BRICS+G7 system

Показатели	Годы						2022/ 2017, %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
Внешнеторговый оборот BRICS с BRICS, постоянные международные долл. 2021, млрд	1544,3	1660,8	1640,5	1623,7	1939,4	1999,4	129
Внешнеторговый оборот BRICS с G7, постоянные международные долл. 2021, млрд	1891,8	2004,3	1946,8	2190,6	2218,1	2221,9	117

Окончание табл. 3

Показатели	Годы						2022/ 2017, %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
k_{BRICS}^A	0,816	0,829	0,843	0,741	0,874	0,900	110
Внешнеторговый оборот G7 с G7, постоянные международные долл. 2021, млрд	2774,0	2899,7	2917,0	2616,4	2740,7	3020,7	109
Внешнеторговый оборот G7 с BRICS, постоянные международные долл. 2021, млрд	3919,8	4123,4	4137,4	3813,6	4037,5	4370,2	111
k_{G7}^A	2,421	2,370	2,390	2,185	2,113	2,238	92

Источник: рассчитано авторами.

Как свидетельствуют приведенные данные, коэффициент внешнеторговой автономии объединения BRICS постепенно повышался (но был меньше единицы), а G7 – оставался почти на том же уровне (немного уменьшился в 2022 г. по сравнению с 2017 г., но был намного больше единицы). При этом, как отмечалось ранее, средние темпы прироста ВВП (g) в странах BRICS были существенно выше, чем в G7. Это можно проиллюстрировать следующим образом (рис. 7).

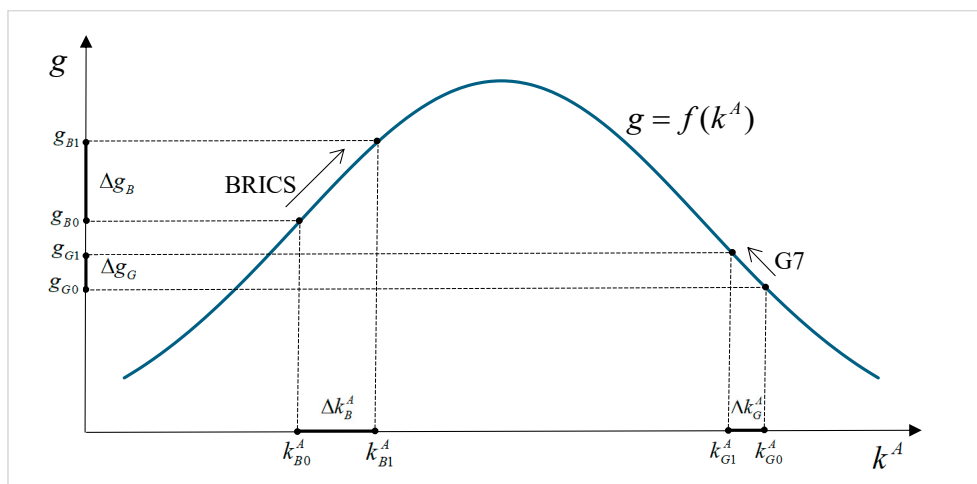

Рис. 7. Кривая зависимости темпов прироста выпуска (g) от коэффициента внешнеторговой автономии (k^A)

Figure 7. Curve of dependence of the rate of output growth (g) on the coefficient of foreign trade autonomy (k^A)

Источник: составлено авторами.

Как показано на рис. 7, где представлена гипотетическая выпуклая кривая, усиление внутренней интеграции дружественных стран, связанное с уменьшением политико-экономических рисков их внешнеэкономических отношений, способствует экономическому росту за счет взаимовыгодного обмена ограниченными ресурсами, находящимися в распоряжении разных

национальных правительств (левая часть рисунка, $\frac{dg}{dk^A} > 1$ случай BRICS),

но только до некоторого предела. По мере углубления интеграции (роста k^A), потенциал такого взаимовыгодного обмена будет постепенно исчерпываться, и предельные выгоды дальнейшего углубления взаимодействия не будут покрывать его предельных издержек. Это приведет к замедлению экономи-

ческого роста (правая часть рисунка, $\frac{dg}{dk^A} > -1$ случай G7), для ускорения

которого потребуются привлекать потенциал новых внешних объектов (стран).

Все это позволяет выдвинуть гипотезы о том, что: 1) существует некоторое оптимальное значение коэффициента внешнеторговой автономии

$\frac{dg}{dk^A} = 0$, при котором достигаются наибольшие темпы прироста выпуска;

2) странам BRICS для его достижения целесообразно наращивать k^A (продолжать углублять взаимовыгодное сотрудничество), поскольку пик $\frac{dg}{dk^A} = 0$

еще явно не пройден.

5. Дискуссия

В силу умеренной силы связи между индексом открытости торговли и приростом ВВП преждевременно было бы утверждать, что усиление внутренней торговой интеграции, наряду с технологическим прогрессом, эффектом относительно низкой базы и др., является одним из главных факторов геоэкономического успеха BRICS.

Тем не менее, исходя из результатов выполненного анализа, есть основания утверждать, что структурные сдвиги во внешней торговле BRICS – уменьшение индекса открытости при одновременном росте коэффициента торговой автономии – не препятствовали относительно успешному (по сравнению с G7) развитию этого объединения. Почему – понятно: имело место укрепление менее рискованных торговых связей между дружественными странами и обусловленное этим улучшение ситуации по обычным каналам распространения выгод глобализации (только в данном случае – глобализации на макрорегиональном уровне).

В свете вышеуказанного делать окончательные выводы об интегральном (в масштабах всего мира) экономическом ущербе от геоэкономической фрагментации было бы преждевременно. Нужно смотреть, для кого ущерб, какой и почему, а для кого выгоды, какие и почему. Это вскользь признают и сотрудники МВФ, которые отмечают, что: «Some countries could benefit from fragmentation in its mild forms»¹, но при этом подчеркивая, что общий эффект – отрицательный. Однако последний тезис требует дальнейшего обоснования.

Дело в том, что, во-первых, в условиях геоэкономической фрагментации экономические субъекты руководствуются не обычными мотивами экономики издержек (как, например, в случае офшоринга), которую относительно легко оценить количественно, а иными мотивами, связанными в том числе с национальной безопасностью и выгодами (издержками) использования власти в мире неравных (ассиметричных) отношений. Результаты действий под влиянием этих мотивов трудно оценить через призму привычных экономико-математических моделей и количественных оценок. Поэтому исследователям еще только предстоит добиться прогресса в данной сфере «...by developing tools to evaluate the impacts of trade and industrial policy on these outcomes that are now guiding policy makers» [1, p. 43].

И, во-вторых, если для значительной части (почти половины) мира, представленной BRICS, работающей по своим принципам (приверженность многосторонности и соблюдению международного права, сотрудничеству, признание недопустимости применения нелегитимных односторонних принудительных мер, включая незаконные санкции и др.)² геоэкономическая фрагментация связана с определенными положительными аспектами, и в это объединение в связи с провалами глобализации стремятся вступить многие другие страны мира (Леонова [36]), то генеральный эффект еще только предстоит оценить, в т. ч. с учетом указанных выше факторов (снижения внешнеэкономических рисков, укрепления экономического суверенитета, обеспечения устойчивости критически важных секторов и др.), а также принимая во внимание то принципиально важное обстоятельство, что ведущие страны Запада открыто используют финансово-экономические инструменты и механизмы глобализации в международных отношениях в качестве средства геополитического давления.

Что касается экономики члена BRICS – России, то на данном этапе геоэкономическая фрагментация не имела для нее рокового значения – в условиях разворота на Восток и разрыва экономических связей с Западом, а так-

¹ Gopinath G. Speech: Geopolitics and its Impact on Global Trade and the Dollar. IMF. 2024. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/05/07/sp-geopolitics-impact-global-trade-and-dollar-gita-gopinath#_ftn6 (дата обращения: 20.11.2024).

² XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 г. <http://static.kremlin.ru/media/events/fi-les/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

же вопреки его беспрецедентным экономическим санкциям, ВВП страны не только не уменьшился, но и ускорил свой рост. Понятно, что этому способствовали резко выросшие инвестиции в реальный сектор экономики в связи с СВО, но и укрепление экономических связей в рамках BRICS также оказало свой положительный эффект (Потемкин [37]).

Это не означает, что в этой организации уже все хорошо, в том числе для России (Мозиас [38]). К числу известных проблем BRICS относятся различия экономических моделей стран-участниц объединения (например, в Китае это государственный капитализм с китайской спецификой, а в Индии – смешанная экономика с федеративными чертами), существенно разный уровень и приоритеты социально-экономического развития, структурные диспропорции в экономиках и др. Правительству РФ нужно еще проделать большую работу по улучшению позиций страны внутри BRICS (с учетом интересов партнеров), переходя от преимущественно сырьевого к высокотехнологичному экспорту. Но это уже другая история.

В итоге проведенного исследования можно утверждать, что рабочая гипотеза в целом подтверждена. Геоэкономическая фрагментация связана не только с отрицательными, но и положительными эффектами для крупных эмерджентных экономик – членов BRICS, которые получают выгоды от укрепления взаимовыгодного сотрудничества.

6. Выводы

Глобализации «как обычно» уже не будет. На смену ей пришла политически обусловленная геоэкономическая фрагментация – противоречивые процессы, которые, с одной стороны, сокращают открытость в отношениях прежде всего с недружественными странами, препятствуя общесистемному международному сотрудничеству, а с другой – поощряют «макрорегиональную глобализацию» – укрепление экономических связей с дружественными странами, стимулируя инклюзивный (для стран объединения) экономический рост.

В этой связи эффекты геоэкономической фрагментации следует изучать с учетом разделения мира на конкурирующие группы стран, участвовавшего применения власти для достижения геополитических и геоэкономических целей, а также новых мотивов, направляющих поведение регуляторов в странах – субъектах международных отношений, которые, исходя из положений экономической теории, отнюдь не руководствуются интересами достижения «всеобщего блага».

Предварительные оценки показывают, что утверждение о вреде геоэкономической фрагментации, прежде всего для менее развитых стран, не вполне корректное. Нужно смотреть, какие это экономики и какие возникают дополнительные эффекты. Если это такие крупные субъекты, обладающие многими современными технологическими компетенциями, как члены BRICS,

то снижение индекса открытости торговли этого объединения, сопровождаемое укреплением внутренней кооперации и безопасности цепочек поставок и создания стоимости, не препятствовало его опережающему экономическому росту.

Таким образом плюсы более тесной интеграции внутри BRICS (макрорегиональной глобализации), по-видимому, перевешивают минусы относительного снижения интенсивности торговли со странами G7. И какой будет долгосрочный интегральный эффект, тем более учитывая растущее влияние BRICS в мире, оценить трудно. Пока что в условиях геоэкономической фрагментации хуже чувствуют себя не эмерджентные экономики BRICS, а развитые экономики G7, которые продолжают терять свои конкурентные позиции в мире.

Но это только предварительный вывод. Нужны более точные оценки, основанные на институциональной методологии, отдающей должное феномену экономической власти в международных отношениях, а также на детальном анализе структурных сдвигов во внешней торговле стран – участниц BRICS, в том числе с применением методов контрфактического анализа, что может составить предмет дальнейших исследований. И, конечно, важно находить возможные пути улучшения позиций России внутри самой BRICS за счет наращивания экспорта продукции с большей добавленной стоимостью.

Список использованных источников

1. Goldberg P. K., Reed T. Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? // NBER Working Paper. No. 31115. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2023. 49 p. <https://doi.org/10.3386/w31115>
2. Бахмузин А. П. Геоэкономическая фрагментация в условиях развития цифровизации: формирование новых контуров макроэкономической системы мира и устойчивость России в условиях санкционных атак // Исследования в цифровой экономике. 2023. Т. 1, № 4. С. 6–47. <https://doi.org/10.24833/14511791-2023-4-6-47>
3. Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy / edited by S. Aiyar, A. Presbitero, M. Ruta. CEPR Press and International Monetary Fund, 2023. 147 p. URL: https://cepr.org/system/files/publication-files/190366-geoeconomic_fragmentation_the_economic_risks_from_a_fractured_world_economy.pdf
4. Blanga-Gubbay M., Rubinova S. Is the global economy fragmenting? // World Trade Organization Staff Working Paper. No. ERSD-2023–10. Geneva: World Trade Organization (WTO), 2024. 18 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/280428/1/1873031211.pdf>
5. Aiyar S., Chen J., Ebeke C., et al. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // Staff Discussion Note. Vol. 2023, Issue 001. Washington, DC: International Monetary Fund, 2023. 42 p. <http://dx.doi.org/10.5089/9798400229046.006>
6. Bolhuis M. A., Chen J., Kett B. The costs of geoeconomic fragmentation. Disruption in trade threatens losses to global living standards as severe as those from COVID-19 // Finance & Development. 2023. Pp. 35–37. URL: <https://coilink.org/20.500.12592/7jrkr>
7. Attinasi M.-G., Boeckelmann L., Meunier B. The Economic Costs of Supply Chain Decoupling // ECB Working Paper. No. 2023/2839. European Central Bank, 2023. 45 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4532103>
8. Fernandez-Villaverde J. Mineyama T., Song D. Are We Fragmented Yet? Measuring Geopolitical Fragmentation and its Causal Effect // NBER Working Paper. No. w32638. National Bureau of Economic Research, 2024. 65 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4881219>

9. *Breitung J., Eickmeier S.* Dynamic factor models // *Allgemeines Statistisches Archiv*. 2019. Vol. 90. Pp. 27–42. <https://doi.org/10.1007/s10182-006-0219-z>
10. *Capoani L.* The gravity equation in international trade: an overview of the introduction of gravity to the study of economics and its systematic barriers // *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2024. Vol. 31, Issue 3. Pp. 487–520. <https://doi.org/10.1080/09672567.2024.2329064>
11. *Dreher A.* Does globalization affect growth? Empirical evidence from a new index of globalization // *Applied Economics*. 2006. Vol. 38, Issue 10. Pp. 1091–1110. <https://doi.org/10.1080/00036840500392078>
12. *Rao B. B., Tamazian A., Vadlamannati K. C.* Growth effects of a comprehensive measure of globalization with country-specific time series data // *Applied Economics*. 2009. Vol. 43, Issue 5. Pp. 551–568. <https://doi.org/10.1080/00036840802534476>
13. *Irwin D. A.* Does Trade Reform Promote Economic Growth? A Review of Recent Evidence // *The World Bank Research Observer*. 2024. Ikae003. <https://doi.org/10.1093/wbro/ika003>
14. *Vishnevsky V., Harkushenko O., Zanizdra M., Kniaziev S.* Digital and green economy: Common grounds and contradictions // *Science and Innovation*. 2021. Vol. 17, Issue 3. Pp. 14–27. <https://doi.org/10.15407/scine17.03.014>
15. *Colombatto E., Macey J. R.* A public choice model of international economic cooperation and the decline of the nation state // *Cardozo Law Review*. 1996. Vol. 18. Pp. 925–956. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/673>
16. *Дементьев В. В.* Инновации, хозяйственный порядок и экономическая власть // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9, № 4. С. 22–36. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.4.022-036>
17. *Olson M.* Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. New York: Basic Books, 2000. 233 p. URL: https://archive.org/details/powerprosperityo00olso_0
18. *Stiglitz J. E.* Globalization and its Discontents. New York, London: W. W. Norton & Company, 2002. 304 p. URL: <http://digamo.free.fr/stig2002.pdf>
19. *Barbieri P., Ciabuschi F., Fratocchi L., Vignoli M.* What do we know about manufacturing reshoring? // *Journal of Global Operations and Strategic Sourcing*. 2018. Vol. 11, Issue 1. Pp. 79–122. <https://doi.org/10.1108/JGOSS-02-2017-0004>
20. *Maihold G.* A new geopolitics of supply chains: the rise of friend-shoring // *SWP Comment*. No. 45/2022. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2022. 7 p. <https://doi.org/10.18449/2022C45>
21. *Piatanesi B., Arauzo-Carod J.-M.* Backshoring and nearshoring: An overview // *Growth and Change*. 2019. Vol. 50, Issue 3. Pp. 806–823. <https://doi.org/10.1111/grow.12316>
22. *Nedumpara J. J.* Friendshoring, Nearshoring, Greenshoring and Resshoring: Changing Faces of Global Supply Chains and its Impact on International Economic Law – Introduction to the Special Issue // *Global Trade and Customs Journal*. 2024. Vol. 19. Issue 3. Pp. 125–128. <https://doi.org/10.54648/gtcj2024035>
23. *Ku J., Yoo J.* Globalization and sovereignty // *Berkeley Journal of International Law*. 2013. Vol. 31, Issue 1. Pp. 210–235. <https://doi.org/10.15779/Z38T076>
24. *Вишневский В. П.* Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2019. Т. 35, № 4. С. 606–627. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.406>
25. *Жданев О. В.* Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации // *Записки Горного института*. 2022. Т. 258. С. 1061–1078. <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.107>
26. *Braithwaite A., Salehyan I., Savun B.* Refugees, forced migration, and conflict: Introduction to the special issue // *Journal of Peace Research*. 2019. Vol. 56, Issue 1. Pp. 5–11. <https://doi.org/10.1177/0022343318814128>
27. *O'Malley P.* Migration and Conflict // *New England Journal of Public Policy*. 2018. Vol. 30, Issue 2. 14. <https://scholarworks.umb.edu/nejpp/vol30/iss2/14>

28. *Iqbal B. A.* BRICS as a driver of global economic growth and development // *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2022. Vol. 14, Issue 1. Pp. 7–8. <https://doi.org/10.1177/09749101211067096>
29. *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. New York: Norton & Company, 2011. 171 p. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4126392/mod_resource/content/0/RODRIK%20The%20Globalization%20Paradox.pdf
30. *Hawkins D. M.* The Problem of Overfitting // *Journal of Chemical Information and Computer Sciences*. 2004. Vol. 44, Issue 1. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.1021/ci0342472>
31. *Gopinath G., Gourinchas P.-O., Presbitero A. F., Topalova P.* Changing Global Linkages: A New Cold War? // IMF Working Paper. No. WP/24/76. International Monetary Fund, 2024. 25 p. <https://doi.org/10.5089/9798400272745.001>
32. *Zhu K., Jiang X.* Slowing down of globalization and global CO₂ emissions – A causal or casual association? // *Energy Economics*. 2019. Vol. 84. 104483. <https://doi.org/10.1016/j.ene-co.2019.104483>
33. *Antràs P.* De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age // NBER Working Paper. No. 28115. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2020. 49 p. <https://doi.org/10.3386/w28115>
34. *Загашвили В. С.* Регулирование международной торговли: глобальный и региональный аспекты // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. № 8, С. 22–32. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-8-22-32>
35. *Загашвили В. С.* Мировая торговля в условиях кризиса глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 11. С. 5–14. <https://doi.org/10.2054/2/0131-2227-2024-68-11-5-14>
36. *Леонова О. Г.* Расширение БРИКС и его геополитические последствия // *Россия и современный мир*. 2024. № 2 (123). С. 55–71. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.02.04>
37. *Потемкин А. С.* Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений // *Экономическая безопасность*. 2024. Т. 7, № 7. С. 1947–1970. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.7.121468>
38. *Мозиас П. М.* Россия в сообществе стран БРИКС: выбор приоритетов // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2023. № 2. С. 37–66. <https://doi.org/10.31249/RVA/2023.02.02>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вишневский Валентин Павлович

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований, г. Донецк, Россия (283048, г. Донецк, ул. Университетская, 77); ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8539-0444> e-mail: vvishn@mail.ru

Маковецкий Сергей Александрович

Кандидат экономических наук, ученый секретарь Института экономических исследований, г. Донецк, Россия (283048, г. Донецк, ул. Университетская, 77); ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1722-8517> e-mail: ups.dn@mail.ru

Вишневская Елена Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической теории и государственного управления Донецкого национального технического университета, г. Донецк, Россия (283001, г. Донецк, ул. Артема, 58); ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1510-2371> e-mail: vishn.elena@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Вишневский В. П., Маковецкий С. А., Вишневская Е. Н. Эффекты геоэкономической фрагментации: BRICS vs G7 // Journal of Applied Economic Research. 2025. Т. 24, № 1. С. 6–33.
<https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.1.001>

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Дата поступления 20 декабря 2024 г.; дата поступления после рецензирования 12 января 2025 г.; дата принятия к печати 17 января 2025 г.

Effects of Geoeconomic Fragmentation: BRICS vs G7

Valentin P. Vishnevsky¹ , Sergey A. Makovetsky¹ , Elena N. Vishnevskaya²

¹ Institute of Economic Research,
Donetsk, Russia

² Donetsk National Technical University,
Donetsk, Russia

 vvishn@mail.ru

Abstract. The article analyzes the effects arising from geoeconomic fragmentation – politically conditioned contradictory processes in international economic relations, which, on the one hand, reduce openness in relations with unfriendly countries, hindering system-wide international cooperation, and, on the other hand, encourage “macroregional globalization” – strengthening economic ties with friendly countries, stimulating inclusive (for the alliance member countries) economic growth. It is proven that the main qualitative features of international economic relations in the context of geoeconomic fragmentation are the refusal of the leading world players to unconditionally support globalization, an increase in the use of force or the threat of force to resolve geo-economic issues, division of the world economy and trade relations along geopolitical lines. To quantitatively assess the processes of geo-economic fragmentation, a coefficient of foreign trade autonomy of the alliance member countries is proposed, which characterizes the ratio of its domestic and foreign trade volumes. The following hypotheses are put forward: (1) there is an optimal value of the foreign trade autonomy coefficient, at which the highest rates of growth in the output of the alliance member countries are achieved; (2) it is advisable for the BRICS countries to increase this coefficient (deepen mutually beneficial cooperation), since the peak of the maximum rates of growth in output has not yet been passed. It is also substantiated that the statement about the unconditional harm of geo-economic fragmentation, especially for less developed economies, is not entirely correct. It is necessary to look at what kind of economies these are and take into account additional factors: reducing the risks of excessive dependence on unfriendly countries in the supply of essential goods and resources; strengthening national economic sovereignty by removing some supranational restrictions; opening up greater opportunities for pursuing independent trade and industrial policies; ensuring sustainability in sectors that are critical to national security; opportunities for better control over migration; facilitating the processes of socio-cultural adaptation of migrants; diversification of trade partners; encouraging countries to seek alternative trade agreements and partnerships within the framework of creating and/or strengthening friendly blocs.

Key words: international economic relations; globalization; geoeconomic fragmentation; economic sovereignty; risks of foreign trade relations.

JEL F02, F14

References

1. Goldberg, P.K., Reed, T. (2023). Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? *NBER Working Paper*, No. 31115. NBER Working Paper. No. 31115. Cambridge, National Bureau of Economic Research, 49 p. <https://doi.org/10.3386/w31115>
2. Bakhtizin, A.R. (2023). Geo-Economic Fragmentation in the Context of Digitalization: Formation of New Contours of the World's Macroeconomic System and Russia's Sustainability Under Sanctions Attacks. *Journal of Digital Economy Research*, Vol. 1, No. 4, 6–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/14511791-2023-4-6-47>

3. IMF (2023). *Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy*. Edited by S. Aiyar, A. Presbitero, M. Ruta. CEPR Press and International Monetary Fund, 147 p. Available at: https://cepr.org/system/files/publication-files/190366-geoeconomic_fragmentation_the_economic_risks_from_a_fractured_world_economy.pdf
4. Blanga-Gubbay, M., Rubinova, S. (2024). Is the global economy fragmenting? *World Trade Organization Staff Working Paper*, No. ERSD-2023–10. Geneva, World Trade Organization (WTO), 18 p. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/280428/1/1873031211.pdf>
5. Aiyar, S., Chen, J., Ebeke, C., et al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. *Staff Discussion Note*, Vol. 2023, Issue 001. Washington, DC, International Monetary Fund, 42 p. <http://dx.doi.org/10.5089/9798400229046.006>
6. Bolhuis, M.A., Chen, J., Kett, B. (2023). The costs of geoeconomic fragmentation. Disruption in trade threatens losses to global living standards as severe as those from COVID-19. *Finance & Development*, 35–37. Available at: <https://coilink.org/20.500.12592/7jrkrr>
7. Attinasi, M.-G., Boeckelmann, L., Meunier, B. (2023). The Economic Costs of Supply Chain Decoupling, *ECB Working Paper*, No. 2023/2839. European Central Bank, 45 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4532103>
8. Fernandez-Villaverde, J. Mineyama, T., Song, D. (2024). Are We Fragmented Yet? Measuring Geopolitical Fragmentation and its Causal Effect. *NBER Working Paper*, No. w32638. National Bureau of Economic Research, 65 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4881219>
9. Breitung, J., Eickmeier, S. (2019). Dynamic factor models. *Allgemeines Statistisches Archiv*, Vol. 90, 27–42. <https://doi.org/10.1007/s10182-006-0219-z>
10. Capoani, L. (2024). The gravity equation in international trade: an overview of the introduction of gravity to the study of economics and its systematic barriers. *The European Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 31, Issue 3, 487–520. <https://doi.org/10.1080/09672567.2024.2329064>
11. Dreher, A. (2006). Does globalization affect growth? Empirical evidence from a new index of globalization. *Applied Economics*, Vol. 38, Issue 10, 1091–1110. <https://doi.org/10.1080/00036840500392078>
12. Rao, B.B., Tamazian, A., Vadlamannati, K.C. (2009). Growth effects of a comprehensive measure of globalization with country-specific time series data. *Applied Economics*, Vol. 43, Issue 5, 551–568. <https://doi.org/10.1080/00036840802534476>
13. Irwin, D.A. (2024). Does Trade Reform Promote Economic Growth? A Review of Recent Evidence. *The World Bank Research Observer*, lkae003. <https://doi.org/10.1093/wbro/lkae003>
14. Vishnevsky, V., Harkushenko, O., Zanizdra, M., Kniaziev, S. (2021). Digital and green economy: Common grounds and contradictions. *Science and Innovation*, Vol. 17, Issue 3, 14–27. <https://doi.org/10.15407/scine17.03.014>
15. Colombatto, E., Macey, J.R. (1996). A public choice model of international economic cooperation and the decline of the nation state. *Cardozo Law Review*, Vol. 18, 925–956. Available at: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/673>
16. Dementyev, V.V. (2018). Innovation, Economic Order and Power. *Journal of Economic Regulation*, Vol. 9, No. 4. 22–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.4.022-036>
17. Olson, M. (2000). *Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. New York, Basic Books, 233 p. Available at: https://archive.org/details/power-prosperityo00olso_0
18. Stiglitz, J.E. (2002). *Globalization and its Discontents*. New York, London, W. W. Norton & Company, 304 p. Available at: <http://digamo.free.fr/stig2002.pdf>
19. Barbieri, P., Ciabuschi, F., Fratocchi, L., Vignoli, M. (2018). What do we know about manufacturing reshoring? *Journal of Global Operations and Strategic Sourcing*, Vol. 11, Issue 1, 79–122. <https://doi.org/10.1108/JGOSS-02-2017-0004>
20. Maihold, G. (2022). A new geopolitics of supply chains: the rise of friend-shoring. *SWP Comment*, No. 45/2022. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, 7 p. <https://doi.org/10.18449/2022C45>

21. Piatanesi, B., Arauzo-Carod, J.-M. (2019). Backshoring and nearshoring: An overview. *Growth and Change*, Vol. 50, Issue 3, 806–823. <https://doi.org/10.1111/grow.12316>
22. Nedumpara, J.J. (2024). Friendshoring, Nearshoring, Greenshoring and Reshoring: Changing Faces of Global Supply Chains and its Impact on International Economic Law – Introduction to the Special Issue. *Global Trade and Customs Journal*, Vol. 19, Issue 3, 125–128. <https://doi.org/10.54648/gtcj2024035>
23. Ku, J., Yoo, J. (2013). Globalization and Sovereignty. *Berkeley Journal of International Law*, Vol. 31, Issue 1, 210–235. <https://doi.org/10.15779/Z38T076>
24. Vishnevsky, V. (2019). The Digital Economy in the Context of the Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Limitations. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, Vol. 35, No. 4, 606–627. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.406>
25. Zhdaneev, O.V. (2022). Technological sovereignty of the Russian Federation fuel and energy complex. *Journal of Mining Institute*, Vol. 258, 1061–1078. <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.107>
26. Braithwaite, A., Salehyan, I., Savun, B. (2019). Refugees, forced migration, and conflict: Introduction to the special issue. *Journal of Peace Research*, Vol. 56, Issue 1, 5–11. <https://doi.org/10.1177/0022343318814128>
27. O'Malley, P. (2018). Migration and Conflict. *New England Journal of Public Policy*, Vol. 30, Issue 2, 14. <https://scholarworks.umb.edu/nejpp/vol30/iss2/14>
28. Iqbal, B.A. (2022). BRICS as a driver of global economic growth and development. *Global Journal of Emerging Market Economies*, Vol. 14, Issue 1, 7–8. <https://doi.org/10.1177/09749101211067096>
29. Rodrik, D. (2011). *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York, Norton & Company, 171 p. Available at: https://edisciplinas.usp.br/plugin-file.php/4126392/mod_resource/content/0/RODRIK%20The%20Globalization%20Paradox.pdf
30. Hawkins, D.M. (2004). The Problem of Overfitting. *Journal of Chemical Information and Computer Sciences*, Vol. 44, Issue 1, 1–12. <https://doi.org/10.1021/ci0342472>
31. Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A.F., Topalova, P. (2024). Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working Paper*, No. WP/24/76. International Monetary Fund, 25 p. <https://doi.org/10.5089/9798400272745.001>
32. Zhu, K., Jiang, X. (2019). Slowing down of globalization and global CO2 emissions – A causal or casual association? *Energy Economics*, Vol. 84, 104483. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2019.104483>
33. Antràs, P. (2020). De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. *NBER Working Paper*, No. 28115. Cambridge, National Bureau of Economic Research, 2020. 49 p. <https://doi.org/10.3386/w28115>
34. Zagashvili, V. (2023). Regulation of International Trade: Global and Regional Aspects. *Russian Foreign Economic Journal*, No. 8, 22–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-8-22-32>
35. Zagashvili, V. (2024). World Trade in the Conditions of Globalization Crisis. *World Economy and International Relations*, Vol. 68, No. 11, 5–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-5-14>
36. Leonova, O.G. (2024). BRICS expansion and its geopolitical consequences. *Russia and the Contemporary World*, No. 2, 55–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.02.04>
37. Potemkin, A.S. (2024). Sanctions against Russia: economic consequences, adaptation strategies and prospects for international relations. *Economic Security*, Vol. 7, No. 7, 1947–1970. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.7.121468>
38. Moziyas, P.M. (2023). Russia in the BRICS Community: Choosing Priorities. *The Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9, Oriental and African Studies*, No. 2, 37–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/RVA/2023.02.02>

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Valentin Pavlovich Vishnevsky

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economic Research, Donetsk, Russia (283048, Donetsk, Universitetskaya street, 77); ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8539-0444> e-mail: vvishn@mail.ru

Sergey Alexandrovich Makovetsky

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Scientific Secretary, Institute of Economic Research, Donetsk, Russia (283048, Donetsk, Universitetskaya street, 77); ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1722-8517> e-mail: ups.dn@mail.ru

Elena Nikolaevna Vishnevskaya

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Public Administration, Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia (283001, Donetsk, Artema street, 58); ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1510-2371> e-mail: vishn.elena@mail.ru

FOR CITATION

Vishnevsky, V.P., Makovetsky, S.A., Vishnevskaya, E.N. (2025). Effects of Geoeconomic Fragmentation: BRICS vs G7. *Journal of Applied Economic Research*, Vol. 24, No. 1, 6–33. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.1.001>

ARTICLE INFO

Received December 20, 2024; Revised January 12, 2025; Accepted January 17, 2025.

